

подготовил свыше 25 статей, которые «не только способствовали пропаганде и популяризации лучших произведений писателя, но и ставили также ряд важных серьезных проблем». Они печатались в различных изданиях: «Искренний друг молодежи», «Кровная связь с народом», «Мамин-Сибиряк и современность»...

К.В. Боголюбов был членом Ученого совета литературного музея имени Д.Н. Мамина-Сибиряка, а после И.П. Бажова стал его председателем (1951–1956).

В настоящее время в музее Мамина-Сибиряка приведена выдержка из воспоминаний К.В. Боголюбова о встрече с П.П. Бажовым в издательстве в 1936 г.: «Павел Петрович крепко тогда пожурил меня и Ладейщикова за неудачные статьи о Мамине-Сибиряке: «Вы все на социологию напираете — народник или не народник. А ведь Мамин-то художник, да еще какой. Вот о художнике-то и надо говорить...»

Из всего сказанного вытекает, что Константин Васильевич Боголюбов, уроженец села Александровского, что ныне в Красноуфимском районе Свердловской области, внес достойный вклад в изучение жизненного пути Д.Н. Мамина-Сибиряка и его творчества.

Примечания

¹ Архив УрГУ. Связка 58. Боголюбов К.В. Лист 21.

² И.А. Дергачев. Книга о красоте и силе писателя // Уральский современник. №18. 1951. С. 232–235.

³ В. Кусков. Писатель, критик, педагог // Урал. №2. 1957. С. 196–202.

⁴ Архив УрГУ... Л. 45.

⁵ Д.Н. Мамин-Сибиряк. Библиографический указатель. Свердловск. 1981. С. 40.

* За помощь автору в данной публикации благодарен Главному хранителю Объединенного музея писателей Урала Елене Константиновне Полевичек и заведующей музея истории УрГУ Валерии Анатольевне Мазур.

М.А.Фельдман (УрАГС)

ВУЗЫ УРАЛА В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1939 – июнь 1941 гг.): ОБЩЕСОЮЗНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Материалы Всесоюзной переписи населения СССР января 1939 г. несут интересный и познавательный материал о динамике роста образовательного потенциала советских людей за 20–30-е гг. Малоизучен региональный аспект этой проблемы. Между тем, сравнительный

анализ развития вузовской сети в различных регионах позволяет полнее понять и конкретику индустриального развития.

Итак, согласно данным материалов переписи 1939 г., в Уральском экономическом районе, объединившем Свердловскую, Челябинскую, Пермскую (Молотовскую), Оренбургскую (Чкаловскую) области и Башкирскую и Удмуртскую АССР, насчитывалось 45 вузов и 46208 студентов высших учебных заведений¹. Создание после 1917 г. на Урале сети вузов, многочисленного корпуса студентов — без сомнения позитивное явление в культурной жизни Урала. Но как смотрелись показатели Урала на фоне других регионов?

Сравним аналогичные характеристики Урала, Ленинграда и Москвы. В «северной столице» в январе 1939 г. насчитывалось 89176 студентов или почти вдвое больше, чем во всем Уральском экономическом районе. При этом население Ленинграда по материалам переписи 1939 г. (3,2 млн чел.) в 4,3 раза уступало населению Уральского экономического района (13,5 млн чел.). В Москве (население 4,5 млн чел.) в январе 1939 г. насчитывалось 103 732 студента². Существовал еще один аспект проблемы: удельный вес студентов-заочников в Ленинграде не превышал 5,7 % от всех студентов, в Москве — 5,4%, тогда как в Уральском экономическом районе на заочном отделении обучалась более 30% всех студентов, причем в аграрных Оренбургской (Чкаловской) области и Башкирии этот показатель достигал 40%³.

Региональный разрез вузовского образования не мог не оказать влияние на показатели численности специалистов, даже с учетом масштабного перераспределения выпускников институтов. Материалы Всесоюзной переписи населения СССР января 1939 г. зафиксировали наличие 50,5 тыс. лиц с высшим образованием в Уральском экономическом районе, 107,9 тыс. в Ленинграде, 170,5 тыс. в Москве⁴. Как видно, если на Урале в январе 1939 г. проживали 4,7 % специалистов СССР, то в Ленинграде 10 %, а в Москве — почти 16 %. Это означало, что в двух столицах, где проживали 4,5% граждан СССР, были сконцентрированы 26 % специалистов с высшим образованием.

Степень насыщенности народного хозяйства специалистами сказывалась на успешном выполнении государственных заданий, уровне социокультурного развития регионов СССР.

Обратим внимание на два неизученных сюжета. Во-первых, введение в сентябре 1939 г. всеобщего воинского призыва, ряд других, неизвестных в данный момент нам мер государства, привели к сокра-

шению численности студентов Уральского экономического района с 46208 чел. в январе 1939 г. до 36 286 в ноябре 1939 г.⁵

Во-вторых, введение платности обучения с октября 1940 г. — малоисследованный сюжет нашей истории — сузило возможности граждан для получения образования. Произошло сокращение численности студентов вузов Уральского региона за (один год!) с 36 286 в ноябре 1939 г. до 29 872 чел. в 1940/1941 уч.г. (данные на 15 ноября 1940 г.) или в 1,21 раза⁶. Больше, чем по Уралу в среднем, сокращение имело место в Башкирии и Удмуртии. Плата за обучение составляла в вузах 300 руб. в год, что было близко к величине месячной зарплаты промышленного рабочего Урала⁷. Не сложно заметить, что за короткий срок (с января 1939 г. до 15 ноября 1940 г.) численность студентов вузов Урала сократилась с 46208 чел. до 29872 чел. или на 35%.

Уменьшение стипендиального фонда, сведение круга получающих стипендию к группе отличников стало еще одним ударом по высшему образованию. Кто же покинул вузы? Можно предполагать, что сокращение численности студентов прошло в основном за счет представителей малоимущих слоев. Однако, это предмет дополнительного исследования.

Носили ли указанные изменения только региональный характер? Если судить по официальной статистике, в годы третьей пятилетки численность студентов вузов СССР неуклонно возрастала. Если в 1937/38 уч.г. в вузах обучались 547,2 тыс. студентов, то в 1939/40 уч. г. — 619,9 тыс., а в 1940/41 уч.г. — 811,7 тыс.⁸ Однако возникает вопрос: каким образом в 1940/41 уч.г. произошло увеличение **почти на треть** контингентов студентов, если, во-первых, власть провозгласила курс на экономию средств в преддверии войны; во-вторых, в условиях введения платности обучения в вузах с октября 1940 г., наконец, при указании резолюций XVIII Всесоюзной партийной конференции ВКП(б) в феврале 1941 г. о пределе численности студентов вузов в СССР в 657 тыс. чел.⁹

В определенной степени, разгадку этой проблемы можно найти в материалах предвоенной статистики. Статистический справочник «Культурное строительство СССР»¹. (М.; Л., 1940) показывает наличие на 15 сентября 1938 г. в СССР 582 663 студентов вузов, а также 246941 студента заочных институтов и заочных отделений, не вошедших в состав студенчества¹⁰. Можно предположить, что в 1940 г. **последняя категория студентов и была включена в общий список**. Об этом свидетельствует, например, сопоставление численности студен-

тов Урала по справочнику «Культурное строительство СССР»' на январь 1939 г. (27957) и по архивным данным — 46208¹¹. Однако, рассекреченные материалы Фонда ЦСУ в РГАЭ (Ф.1562) позволяют заменить **предположения на утверждения**. Показав наличие в январе 1939 г. 670764 студентов очных отделений и 211566 студентов-заочников¹², архивные материалы в деле 1944 г. «Отчете о перестройке и развитии народного хозяйства СССР за два с половиной года Отечественной войны» свидетельствуют: число студентов очных вузов в 1940 г. составило 585,2 тыс. чел.¹³ Получается, что по сопоставимому кругу вузов за 1939/40 уч.г. — 1940/41 уч. г. произошло сокращение численности студентов на 34,7 тыс.

Обращало на себя внимание небольшое число университетов. На 1 января 1939 г. вузов подобного типа в РСФСР было всего 12 с числом студентов в 32066 чел. Только МГУ и ЛГУ могли быть отнесены к числу крупных вузов, где обучались по 5–6 тыс. студентов. Свердловский (Уральский) университет в январе 1939 г. насчитывал 658 студентов, что было меньше чем в 1936 г. (761 чел.) и в 1937 г. (773 чел.) При этом подавляющее большинство студентов (свыше 90 %) Свердловского (Уральского) университета обучались на двух факультетах: физико-математическом и химическом. На только что открытый в 1938 г. исторический факультет были приняты 46 человек¹⁴.

Если на первых курсах вузов РСФСР в январе 1939 г. обучалось 182,5 тыс. студентов, то на пятых — только 78, 7 тыс. студентов¹⁵. Сказывались не только трудности обучения. Волны репрессий тридцатых годов не могли не затронуть родителей студентов, среди которых было немало представителей управленческого эшелона, более всего пострадавшего в 1937–1938 гг., а также самих студентов. В принципе, сокращение числа студентов вузов в преддверии войны можно понять и объяснить. Труднее объяснить, почему засекретив подобную акцию, государство спустя почти семь десятилетий продолжает хранить молчание.

Примечания

¹ Подсч. по: РГАЭ. Ф.1562. Оп. 336. Д.224. Л. 47–49.

² Подсч. по: Там же. Л. 47.

³ Подсч. по: Там же. Л. 47–49

⁴ Подсч. по: Там же. Л. 35–36.

⁵ Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1069. Л. 36, 71, 92–93, 114, 149, 170, 210.

⁶ Подсч. по: РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д. 1069. Л. 36, 71, 92–93, 114, 149, 170, 210.

⁷ См.: Фельдман М.А. Материально-бытовое положение рабочих Урала в 1929–1941 гг. // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 2002. № 1. С. 44; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4575. Л. 38.

⁸ Высшее образование в СССР. Стат. сборник. М., 1961. С. 79.

⁹ Советская высшая школа в годы Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 30.

¹⁰ Культурное строительство СССР. М.Л., 1940. С. 118.

¹¹ Подсч. по: там же. С.120 –121; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1069. Л. 36, 71, 92_93, 114, 149, 170, 210.

¹² Подсч. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 224. Л. 47.

¹³ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 66. Табл. 44.

¹⁴ Культурное строительство СССР. С. 124–125.

¹⁵ Там же. С. 125.

В.А. Шарапова (ИИиА УрО РАН)

ХУДОЖНИКИ И СКУЛЬПТОРЫ УРАЛА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ИСКУССТВО ДЛЯ МАСС ИЛИ ИСКУССТВО ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА?

Интеллигенция, и в частности интеллигенция художественная, на разных этапах развития Советского государства играла роль некоего «зеркала», отражающего события, происходящие в стране.

Урал, как регион с развитой инфраструктурой, практически не пострадавший в период Великой Отечественной войны, но принявший на себя все тяготы военного времени, стал неплохой «базой» для формирования искусства поствоенного десятилетия. Некоторые факторы, повлиявшие на особенности «местного» искусства, стали решающими для основных направлений живописи, графики, пластики.

Так, общим фактором для этого послужило победное окончание войны (и здесь искусство стало выразителем как общей эйфории, так и горечи утрат). Сама по себе победа признавалась справедливой не только с точки зрения противостояния внешнему агрессору, но и с точки зрения «правильности» социалистического строя. На этом фоне большая часть художественной интеллигенции Советского Союза обозначала в своем творчестве идею строительства «светлого будущего». Идеализм советского искусства, названный соцреализмом, поддерживался на всех уровнях — от столицы до села. И в этом плане можно говорить о том, что во многом художественная интеллигенция, а еще шире — гуманитарная интеллигенция — действительно способствовала «дальнейшей сталинизации общественного сознания»¹. Таким